

«РАБОЧАЯ» ПЬЕСА НА РЕВОЛЮЦИОННОЙ СЦЕНЕ: ПОСТАНОВКА «ЗАРЕВА» Е.П. КАРПОВА В МИХАЙЛОВСКОМ ТЕАТРЕ 15 АПРЕЛЯ 1917 г.

Статья посвящена единственной между Февральской и Октябрьской революциями попытке поставить на сцене государственных театров пьесу на «рабочую» тему. Спектакль по драме Е.П. Карпова «Зарево», написанной еще до революции, в 1917 г., несмотря на свою актуальность, вызвал холодный прием у критиков и членов Театрально-литературного комитета. Указывалось на целый ряд недостатков художественного характера, присущих и пьесе, и постановке. В результате Карпов отказался от введения «Зарева» в постоянный репертуар Александринского театра, который он возглавлял.

Ключевые слова: «Зарево»; Е.П. Карпов; Михайловский театр; Александринский театр; государственные театры России; революция 1917 года.

К 1917 г. российские императорские театры (Александринский, Мариинский и Михайловский в Петрограде, Большой и Малый в Москве), чья история насчитывала уже полтора столетия, поддерживая исключительный художественный уровень своих постановок, высоко ценились поклонниками сценического искусства. После падения монархии, сменив название на «государственные» театры, они по-прежнему сохранили монополию на казенное финансирование, недоступное сотням частных антреприз. Однако именно в 1917 г. им было суждено столкнуться с достаточно острой по тем временам проблемой, а именно – несоответствием репертуара запросам революционной эпохи. Если большинство частных театров России быстро вышло из затруднения за счет постановки во множестве тогда появившихся «фарсов», главными героями которых были, как правило, императрица Александра Федоровна, А.А. Вырубова и Г.Е. Распутин, то на государственной сцене, где появление подобной низкопробной драматургии было немислимо, сразу после революции обнаружили, что «ставить нечего» [1. С. 2]. В печати стали раздаваться предложения обновить репертуар за счет пьес, запрещенных при старом режиме цензурой [2. С. 241]. В итоге именно по этому пути и пошла труппа Александринского театра в своей единственной (и уникальной для государственных театров в целом) попытке в период между Февралем и Октябрем отразить «рабочую» тему на сцене.

Цель настоящей статьи – рассмотреть обстоятельства, которые сопутствовали данной постановке, выявить реакцию на нее театральной общественности, определить причины, по которым спектакль на столь уместную в революционное время тему так и остался в 1917 г. уникальным.

Вскоре после Февральской революции артисты Александринского театра избрали для воплощения на сцене драму Евтихия Павловича Карпова, видного драматурга и по совместительству их начальника (занимавшего пост управляющего труппой), «Зарево». Это произведение увидело свет еще в 1913 г. [3] и никогда ранее не ставилось на сцене из-за запрета, наложенного драматической цензурой [4. С. 4; 5. С. 6]. Сюжет малознакомой современному читателю пьесы, действие которой происходило «в наше время, в рабочей слободке Шлиссельбургского тракта», был

кратко изложен в протоколе заседания Петроградского отделения Театрально-литературного комитета от 17 апреля 1917 г.: «Старый слесарь Воронков и его жена перебиваются со дня на день, едва зарабатывая тяжелым трудом пропитание для своей семьи. У них два сына: старший, Андрей, тихий, молчаливый и рассудительный, мечтатель, отчасти поэт и, конечно, уже затронутый пропагандой, жадно прислушивается к горячей проповеди “интеллигентов”; младший, Константин, – пьяница и хулиган, совсем отбил от рук, ни в грош не ставит отца и мать и даже грозит им побоями и ножевой расправой. Дочь Воронковых, Лиза, живет в городе, промышляя проституцией, но не теряет связи с родителями и семьей и часто их навещает.

В этой-то среде появляется барышня-пропагандистка, “товарищ Соня”¹, снабжающая Андрея “литературой” и соответствующими объяснениями. Под ее влиянием рабочие предъявляют администрации завода повышенные требования и, получив отказ, устраивают забастовку, последствием которой является всех озлобляющая безработица. Соня старается помогать забастовщикам деньгами. Андрей перед нею благоговееет, тихо выслушивая крикливые упреки своей ревливой и сварливой жены. Константин, влюбленный в Соню по-своему, заманивает ее в гостиницу, там насилует и убивает, а затем, мучимый угрызениями совести, добровольно отдается в руки полиции» [7. Л. 27].

В интервью, данном сотруднику «Биржевых ведомостей» незадолго до премьеры, Карпов рассказал об обстоятельствах создания пьесы: «Пьеса “Зарево” написана мною шесть лет тому назад, летом 1911 г. <...> Заинтересовавшись рабочим движением, вылившемся в революцию 1905 года, я задумал написать пьесу из жизни рабочих. Я решил писать, забыв о существовании цензуры, заранее уверенный, что моей пьесе “Зарево” не суждено увидеть свет рампы какого-нибудь театра, пока существует цензура. Мне хотелось изобразить в пьесе жизнь семьи петербургского рабочего в тот момент, когда вспыхнуло зарево того пожара, который только вчера испепелил и сжег русский царизм» [8. С. 6]. Карпов, таким образом, говоря о «Зарево», делал упор на революционное содержание пьесы (что, конечно, в условиях 1917 г. было вполне понятным). По этому вопросу, однако,

можно встретить и другие мнения. Например, советский театровед С.С. Мокульский много позднее так оценивал «Зарево»: «Хотя действие ее происходит в рабочей семье и вертится все время вокруг забастовки на заводе, хотя характеры ее обрисованы живо и обнаруживают знакомство автора с изображаемой средой, однако пьеса политически совершенно бесхребетна <...> революционное движение оказывается только внешним фоном для любовной интриги» [9. С. 20].

На выбор пьесы Е.П. Карпова, несомненно, повлияло видное положение, которое этот маститый драматург и режиссер занимал в театре. В то же время художественные идеалы Карпова-постановщика и Карпова-писателя, сформировавшиеся в эпоху передвижников, были далеки от модернистской эстетики начала XX в. В частности, в апреле 1918 г. Александр Блок иронически отмечал в своем «Письме о театре», что «...искусство кончается там, где начинается Евт. Карпов. Там начинается все, что угодно: педагогика, “светлые идеалы” и прочие болезни». Ф.Д. Батюшков, коллега Карпова по театру, отмечал в дневниковой записи от 28 октября 1917 г., что отсутствие художественного замысла «обезличивает все постановки» Карпова [10. С. 420; 11. С. 496–497; 12. С. 371]. Все это, разумеется, не могло не повлиять на восприятие пьесы публикой (значительную часть которой, несмотря на начавшееся проникновение в театр «нового зрителя» из социальных низов, по-прежнему составляла интеллигенция).

Решение о постановке «Зарева» было принято в Александринском театре во второй половине марта 1917 г., причем инициатива в данном случае исходила снизу. 26 марта директор государственных театров В.А. Теляковский записал в своем дневнике: «Сегодня ко мне опять обратились режиссеры Александринского театра с просьбой дать им за плату Михайловский театр в субботу 15 апреля; так [как] они уже получили сбор с генеральной репетиции Маскарада² – а спектакль предполагалось дать им как всегда вместе с режиссерами оперы и балета 1 мая – то вопрос этот еще не решен комиссаром. Особенно беспокоился на этот раз Карпов, и я не мог угадать почему. Сегодня ларчик открылся – режиссеры ставят его, Карпова, пьесу. Понятно!!!!» [14. Л. 79]. Таким образом, драму Е.П. Карпова выбрали (при горячем сочувствии автора) для своего бенефиса вторые режиссеры и суфлеры Александринского театра [5. С. 6]. Отметим, что в Михайловском театре, об аренде которого на время спектакля представители бенефициантов просили В.А. Теляковского, своей русской труппы не было – его делили александринцы и актеры французской труппы. 28 марта Карпов уже читал свою пьесу артистам Александринского театра [15. С. 4]. За день до премьеры, 14 апреля, С.И. Смирнова-Сазонова записала в дневнике о посещении ее дочерью, актрисой Л.Н. Шуваловой генеральной репетиции «Зарева»: «Эта пьеса до революции б[ы]ла нецензурной, а теперь помощники режиссера берут ее в св[ой] бенефис. В пьесе забастовка и бунт рабочих, она бьет по нервам и будет иметь больш[ой] успех» [16. Л. 281].

Постановка «Зарева» 15 апреля 1917 г. в Михайловском театре действительно стала событием в теат-

ральном мире. Не только театральные повременные издания, но и городские, и общенациональные газеты поместили рецензии на этот спектакль. В оценках как самой пьесы, так и ее сценического исполнения наблюдался большой разброс. Некоторые критики, давая в целом положительную оценку и тому и другому, отмечали, тем не менее, что пьеса «довольно грузная, тяжелая» [17. С. 10], что оно («Зарево») «уже устарело, что даже самому автору его пьеса должна казаться пресной» [18. С. 9], «...два месяца назад пьеса Е.П. Карпова была зажигательной прокламацией <...> Теперь это милая и наивная жанровая картинка из давно минувшей эпохи “старого режима”» [19. С. 5], а выведенные в ней «образы нового мира» «неярки и мало убедительны» [6. С. 8]. В прессе подчеркивалось, что в наибольшей степени автору удалось не драматические коллизии, а бытовые зарисовки из жизни рабочей семьи [20. С. 4].

Другие рецензенты подвергли пьесу Карпова и ее постановку уничтожающей критике: «В длинных, тягучих четырех актах ничего своего не поведал нам автор. <...> Сценического действия – никакого. На психологический конфликт ни намек. В общем, пьеса недостойная государственных театров и принижающая великую тему момента» [21. С. 4]; «...действующие лица пьесы бледны и шаблонны, психология прямолинейна и бедна, диалог – то рассудочен, то тривиален, а фабула – история любви полусознательного рабочего к прекрасной социал-демократке, которую он, в порыве животной страсти, насилует и убивает, – производит впечатление тягостное <...> спектакль в целом казался слишком дешевой данью переживаемому историческому моменту, ни в чем не отражая при том его высокой поэзии и величавой, и светлой, и трагической красоты» [22. С. 5]. Об эпизоде с солдатом много лет спустя вспоминал и сам Ходотов.

Критики в то же время отмечали, что публика хорошо приняла постановку, в конце спектакля много раз вызывали автора, которого не оказалось в театре (С.И. Смирнова-Сазонова объясняла отсутствие Карпова его расстройством из-за произошедшей ранее ссоры с артистом Г.Г. Ге [16. Л. 285 об.]), а один из солдат, находившийся в зрительном зале, подарил розу игравшему в спектакле Н.Н. Ходотову³, после чего они оба произнесли краткую речь (Ходотов завершил свою здравицей «в честь героев-солдат, добывших России свободу») [6. С. 8; 17. С. 10; 19. С. 6; 20. С. 4].

17 апреля пьесу Карпова рассматривало Петроградское отделение Театрально-литературного комитета при Дирекции театров в составе своего председателя Ф.Д. Батюшкова, которому несколько дней спустя предстояло возглавить государственные театры [24. С. 182–183], и членов, видных ученых-филологов – академика Н.А. Котляревского и члена-корреспондента Академии наук П.О. Морозова. Подобное рассмотрение произведения через два дня после премьеры может быть объяснено тем, что пьесу для бенефиса по традиции выбирали бенефицианты, но для закрепления ее в основном репертуаре требовался положительный отзыв Театрально-литературного комитета.

Несмотря на высокий пост, занимаемый Е.П. Карповым в театре, и на то, что он в течение многих лет был их сослуживцем, члены комитета отнеслись к «Зарево» критически. «Пьеса г. Карпова написана в ярких, можно сказать кричащих тонах решительного, ничем не прикрашенного натурализма. Все действующие лица очерчены резко: автор, видимо, желал дать правдивую, нисколько не смягченную картину быта хорошо знакомой ему среды – и не поспешил на подробности, придающие этой картине реальное содержание. Нельзя, однако, не заметить, что этот прием нередко доводится автором до крайности, едва ли оправдываемой требованиями художественного творчества и литературного вкуса. <...> Такие литературные приемы едва ли могут служить к увеличению художественного достоинства произведения, которое не может иметь целью грубо бить по нервам зрителя фотографическими снимками самых неприглядных сторон действительности. То обстоятельство, что подобные приемы встречаются иногда и у Толстого («Власть тьмы») не может считаться достаточным основанием для их повторения во всякое время и на всяком месте, так как у Толстого они до известной степени оправдываются глубокой нравственной идеей, положенной в основу произведения, и смягчаются обаянием огромного таланта, их создавшего. Уже одно это соображение обязывало бы в подражании Толстому (и притом – далеко не лучшим сторонам его творчества) соблюдать всяческую осторожность и уже ни в каком случае не идти дальше его в реалистическом изображении жизни».

В конце протокола заседания первоначально значилось: «Не отрицая возможности постановки пьесы г. Карпова на сцене Государственных Театров, Комитет, однако, не может не заметить, что эта постановка едва ли является желательной». Затем, однако, резюме было исправлено (от руки) и приобрело более мягкую формулировку: «Комитет не отрицает возможности постановки пьесы г. Карпова на сцене Государственных Театров» [7. Л. 27–28]. Эти исправления свидетельствуют о внутренней борьбе в комитете, о колебаниях его членов, которым непросто было выбрать между невысокой художественностью пьесы Карпова и ее острой политической актуальностью, усиленной тем положением в театре, которое занимал автор «Зарева».

Вероятно, критический, хотя и оставлявший возможность для постановки на сцене, отзыв Театрально-литературного комитета вкупе с в целом прохладной оценкой рецензентов способствовал тому, что пьеса так и не попала в основной репертуар Александринского театра (в доброжелательно настроенной к Е.П. Карпову «Петроградской газете» отмечалось, что автор «из скромности, сам не пожелал ставить пьесу» [25. С. 6]). На заседании Художественно-репертуарного комитета Александринского театра, состоявшемся 28 августа, при рассмотрении репертуара сезона 1917–1918 гг., Карпов, как гласит протокол, сам «снял свою пьесу “Зарево”» [26. Л. 2]. Таким образом, единственная между Февралем и Октябрем попытка поставить на бывшей «императорской» сцене драму из жизни рабочих оказалась малоудачной.

Рассмотрев фактическую сторону истории этой постановки, представляется возможным сделать ряд выводов. Во-первых, следует констатировать, что введение в репертуар «рабочей» темы было для государственных театров в 1917 г. вызовом времени, на который следовало дать ответ. Во-вторых, выбор пьесы Е.П. Карпова был в значительной степени продиктован тем высоким положением, которое ее автор занимал в Александринском театре, будучи управляющим труппой. В-третьих, эстетические идеалы и художественные приемы Карпова в глазах многих современников были анахроничными, и это оказало определенное влияние на неуспех постановки. В-четвертых, несмотря на критические отзывы рецензентов, в целом публика приняла пьесу хорошо. Вероятно, это объяснялось тем, что в зрительном зале, наряду с интеллигентами, находились и «солдатские депутаты», гораздо более восприимчивые к революционной фавле «Зарева». Наконец, в-пятых, следует отметить, что спектакль пошел в бенефис второстепенных работников Александринского театра (вторых режиссеров и суфлеров), и для закрепления его в основном репертуаре нужно было получить положительный отзыв Петроградского отделения Театрально-литературного комитета. Члены комитета не без колебаний признали драму Карпова пригодной к постановке, при этом указав на большое количество недостатков произведения; такая рецензия, несомненно, повлияла на решение Карпова отказаться от введения «Зарева» в репертуар Александринского театра.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имя главной героини – София Верховская, как отмечал один из рецензентов, «по созвучию напоминает Софию Перовскую, великомученицу за русскую свободу» [6. С. 8].

² Имеется в виду платная генеральная репетиция знаменитого спектакля «Маскарад» 25 февраля 1917 г., сбор с которой предназначался в пользу «помощников режиссеров, суфлеров и библиотекарей Императорской оперы, драмы и балета» [13. С. 5].

³ «В апреле в Михайловском театре была поставлена новая пьеса Карпова “Зарево” <...> В бывшей царской ложе сидели солдатские депутаты, и один из них обменялся со мной приветствием. Из этой ложи я в первый раз в своей жизни был награжден цветами» [23. С. 382].

ЛИТЕРАТУРА

1. Театральный курьер // Петроградский листок. 1917. 6 марта.
2. Леонидов В. Письмо в редакцию // Театр и искусство. 1917. № 15. С. 241.
3. Карпов Е.П. Зарево: Пьеса в 4 д. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1913. 112 с.
4. У рамп. Эхо // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1917. 29 марта.
5. Новые постановки // Петроградская газета. 1917. 5 апреля.
6. Носков Н. Михайловский театр. «Зарево», драма Е.П. Карпова // Петроградский листок. 1917. 16 апреля.

7. Российский государственный исторический архив. (РГИА). Ф. 497. Оп. 10. Д. 1343.
8. Ф. «Зарево». Пьеса в 4-х действ. Е. Карпова // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1917. 11 апреля.
9. Мокульский С. Петроградские театры от Февраля к Октябрю // История советского театра: Очерки развития. Л. : Ленгикл, 1933. Т. 1. С. 1–80.
10. Блок А.А. Собрание сочинений : в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова. К.И. Чуковского. М. ; Л. : ГИХЛ, 1962. Т. 6. 556 с.
11. Гушанская Е.М., Хализев В.Е. Карпов Евтихий Павлович // Русские писатели. 1800–1917. М. : Большая Российская Энциклопедия; Фанит, 1992. Т. 2. С. 496–497.
12. Дневниковые записи и мемуарный очерк Ф.Д. Батюшкова о его пребывании на посту главноуполномоченного по государственным театрам в 1917 году (из собрания Рукописного отдела Пушкинского Дома). Публикация П.Н. Гордеева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. С. 360–379.
13. Биноклъ. На генеральной репетиции «Маскарада» // Петроградская газета. 1917. 25 февраля.
14. Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина. Ф. 280. № 1325.
15. Театральный курьер // Петроградский листок. 1917. 29 марта.
16. Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 285. № 65.
17. Михайловский театр // Петроградская газета. 1917. 16 апреля.
18. Старк Э. Михайловский театр. («Зарево») Е. Карпова // Обзорение театров. 1917. 17 апреля.
19. Острожский К. «Зарево», пьеса в четырех действиях Евтихия Карпова. (Михайловский театр) // Новое время. 1917. 17 апреля.
20. – ин. «Зарево», пьеса Евт. Карпова. (Михайловский театр) // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1917. 16 апреля.
21. «Зарево». Евт. Карпова // Русская воля (вечерний выпуск). 1917. 17 апреля.
22. Гуревич Л. Михайловский театр. «Зарево» Е.П. Карпова // Речь. 1917. 17 апреля.
23. Ходотов Н.Н. Близкое – далекое. М. ; Л. : Academia, 1932. 147 с.
24. Гордеев П.Н. Ф.Д. Батюшков – главноуполномоченный по государственным театрам в 1917 году // Русская литература. 2013. № 2. С. 180–190.
25. Е.П. Карпов и «Зарево» // Петроградская газета. 1917. 18 апреля.
26. Отдел рукописей и документов Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства. Ф. 67. КП 7042/8.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 апреля 2015 г.

“WORKER’S” PLAY ON THE REVOLUTIONARY STAGE: PRODUCTION OF *THE BLAZE* BY E.P. KARPOV IN THE MIKHAILOVSKY THEATRE ON APRIL 15, 1917

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 34–38. DOI: 10.17223/15617793/403/6

Gordeev Petr N. Herzen State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia). E-mail: petergordeev@mail.ru

Keywords: *The Blaze*; E.P. Karpov; Mikhailovsky Theatre; Alexandrinsky Theatre; state theatres of Russia; the 1917 revolution in Russia.

This article considers the only attempt between the February and the October revolutions to stage a play on the “worker’s” theme in the state theatres. In 1917, the former imperial theaters, renamed state ones, urgently needed the “revolutionary” repertoire. The press began to call for staging plays banned by the tsarist censorship. The second directors and prompters of the Alexandrinsky Theatre chose one of such works, *Zarevo* [The Blaze] by E.P. Karpov, for their benefit performance. The choice of the author was not accidental, for Karpov was the then manager of the troupe of the Alexandrinsky Theatre. The plot of *The Blaze* describing the life of a working class family and relationship between workers and a young woman, a propagandist of revolutionary ideas, seemed very relevant at that time. The premiere took place on 15 April 1917 at the Mikhailovsky Theatre, which was used as a second stage by the Aleksandrinsky’s actors. Despite the fact that the public accepted the performance well, the reviewers’ statement was critical enough. Karpov was blamed for the overall heaviness of the play, the routine nature of characters, the roughly naturalistic character of particular scenes. It should be noted that Karpov as a playwright formed in the era of the *Peredvizhniki*, and his aesthetic techniques seemed outdated to the people of the Silver Age. By tradition, the beneficiaries themselves chose the play on the day of their benefit performance, but to have it in the core repertoire the play was to have a positive review of a special body, the Theatre and Literature Committee. Members of the Petrograd branch of the Theatre and Literature Committee discussed Karpov’s play on April 17. As the theatre critics, they noted numerous shortcomings of the play, including “decisive, stark naturalism”. The preserved protocol of the meeting recorded fluctuations of the committee members who, on the one hand, for many years were colleagues of E.P. Karpov, on the other, were aware of the low artistic merit of *The Blaze*. In the original version, the protocol states that the inclusion of Karpov’s play in the repertoire “is hardly desirable”, but later these words were crossed out. Thus, the formal opportunity for future productions *The Blaze* was preserved, but its author, facing the critical stance of the reviewers and members of the Theatre and Literature Committee, refused from it himself. Thereby, the only attempt in 1917 to stage a play on the “worker’s” theme in the Russian state theatres was of little success.

REFERENCES

1. Petrogradskiy listok. (1917) Teatr’nyy kur’er [Theatre Courier]. *Petrogradskiy listok*. 6 March.
2. Leonidov, V. (1917) Pis’mo v redaktsiyu [Letter to the Editor]. *Teatr i iskusstvo*. 15. p. 241.
3. Karpov, E.P. (1913) *Zarevo: P’esa v 4 d.* [The Blaze: a play in 4 acts]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov.
4. Birzhevye vedomosti. (1917) U rampy. Ekho [Before the lights. Echo]. *Birzhevye vedomosti* (evening issue). 29 March.
5. Petrogradskaya gazeta. (1917) Novye postanovki [New productions]. *Petrogradskaya gazeta*. 5 April.
6. Noskov, N. (1917) Mikhailovskiy teatr. “Zarevo”, drama E.P. Karpova [The Mikhailovsky Theatre. The Blaze, a drama by E.P. Karpov]. *Petrogradskiy listok*. 16 April.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 497. List 10. File 1343.
8. F. (1917) “Zarevo”. P’esa v 4-kh deystv. E. Karpova [The Blaze: a play in 4 acts by E. Karpov]. *Birzhevye vedomosti* (evening issue). 11 April.
9. Mokul’skiy, S. (1933) Petrogradskie teatry ot Fevralya k Oktjabryu [Petrograd theaters from February to October]. In: Rafalovich, V. E. (ed.) *Istoriya sovetskogo teatra: Ocherki razvitiya* [The history of the Soviet theater: Essays on the development]. Vol. 1. Leningrad: Lengikhl.
10. Blok, A.A. (1962) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Works in 8 vols]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: GIKhL.
11. Gushanskaya, E.M. & Khalizev, V.E. (1992) Karpov Evtikhiy Pavlovich. In: Nikolaev, P. A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917* [Russian writers. 1800–1917]. Vol. 2. Moscow: Bol’shaya Rossiyskaya Entsiklopediya; Fianit.

12. Gordeev, P.N. (2014) Dnevnikovye zapisi i memuarnyy ocherk F.D. Batyushkova o ego prebyvanii na postu glavnoupolnomochennogo po gosudarstvennym teatram v 1917 godu (iz sobraniya Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma) [Diary notes and a memoir essay of F.D. Batyushkov about his tenure as the head of state theaters in 1917 (from the collection of the Manuscript Division of the Pushkin House)]. In: Ivanova, T.G. (ed.) *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2013 god* [Yearbook of the Manuscript Division of the Pushkin House in 2013]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
13. Petrogradskaya gazeta. (1917) Binokl'. Na general'noy repetitsii "Maskarada" [Binoculars. At the dress rehearsal of the Masquerade]. *Petrogradskaya gazeta*. 1917. 25 February.
14. Archive and Manuscript Department of the State Central Theater Museum n.a. A.A. Bakhrushin. Fund 280. No. 1325. (In Russian).
15. Petrogradskiy listok. (1917) Teatral'nyy kur'er [Theatre Courier]. *Petrogradskiy listok*. 29 March.
16. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. Fund 285. No. 65. (In Russian).
17. Petrogradskaya gazeta. (1917) Mikhaylovskiy teatr [The Mikhailovsky Theatre]. *Petrogradskaya gazeta*. 16 April.
18. Stark, E. (1917) Mikhaylovskiy teatr. ("Zarevo") E. Karpova [The Mikhailovsky Theatre. (The Blaze) by E. Karpov]. *Obozrenie teatrov*. 17 April.
19. Ostrozhskiy, K. (1917) "Zarevo", p'esa v chetyrekh deystviyakh Evtikhiya Karpova. (Mikhaylovskiy teatr) [The Blaze, a play in four acts by E. Karpov. (The Mikhailovsky Theatre)]. *Novoe vremya*. 17 April.
20. – in. (1917) "Zarevo", p'esa Evt. Karpova. (Mikhaylovskiy teatr) [The Blaze, a play by E. Karpov. (The Mikhailovsky Theatre)]. *Birzhevye vedomosti* (evening issue). 16 April.
21. Russkaya volya. (1917) "Zarevo". Evt. Karpova [The Blaze by E. Karpov]. *Russkaya volya* (evening issue). 17 April.
22. Gurevich, L. (1917) Mikhaylovskiy teatr. "Zarevo" E.P. Karpova [The Mikhailovsky Theatre. The Blaze by E. Karpov]. *Rech'*. 17 April.
23. Khodotov, N.N. (1932) *Blizkoe – dalekoe* [The close and the far]. Moscow; Leningrad: Academia.
24. Gordeev, P.N. (2013) F.D. Batyushkov – glavnoupolnomochennyy po gosudarstvennym teatram v 1917 godu [F.D. Batyushkov, the head of state theaters in 1917]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 180–190.
25. Petrogradskaya gazeta. (1917) E.P. Karpov i "Zarevo" [E.P. Karpov and The Blaze]. *Petrogradskaya gazeta*. 18 April.
26. The Department of Manuscripts and Documents of St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Fund 67. No. 7042/8. (In Russian).

Received: 26 April 2015